Гавриков В. А. Окказиональная фразеология в творчестве Александра Башлачева // Язык. Дискурс. Текст: Материалы III международной научной конференции. – Ростов-на-Дону. 2007. с. 95-97.

В.А. Гавриков
Брянск, Россия

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЕВА

The article is devoted to occasional phraseology in the literary heritage of Alexandr Bashlachev. Splitting of idiom became the significant method of the work of poet to the stable language structures. The article shows that Bashlachev used four types of the occasional idioms: syntactical, paronymical, amalgamated, numerical.

Александр Башлачев – один из ярчайших, но пока еще недостаточно изученных поэтов конца XX века. Его произведения оказали сильнейшее влияние на творчество таких известных деятелей рок-культуры, как Юрий Шевчук, Константин Кинчев, Борис Гребенщиков и многих других «поющих поэтов». Башлачев пел свои песни Булату Окуджаве и Александру Градскому, и метры очень высоко оценили талант молодого поэта. Погиб Башлачев в 27 лет (в 1988 году), оставив после себя всего около 60 песен. С начала девяностых началось научное изучение наследия певца. В одной из первых работ, посвященных поэтике Башлачева, исследователь В.В. Лосев отмечал: «Башлачев сумел создать собственную оригинальную поэтическую систему, знакомство с которой оставляет стойкое ощущение: так с русским словом ещё никто не работал» (Лосев, 1995:104).

В поэтическом мире Александра Башлачева заметную роль играют окказиональная лексика и фразеология (сразу оговоримся, что понятие «фразеологизм» мы понимаем в широком значении). Поэту интересно «расщеплять» языковые структуры, обладающие непроницаемостью (которая присутствует у слова и у фразеологизма, особенно если высока степень сращения его элементов). Следовательно, слово и идиома для Башлачева практически одно и то же: на целостность как одного, так и другого он покушается с одинаковым успехом, создавая новые слова и фразеологизмы, как правило, по продуктивным моделям. Причем, если окказионализмы у Башлачева, в сущности, произведены единым способом (варьирование незначительно), то в создании новых фразеологизмов можно выделить несколько типов.

Первые (**окказиональные**) – созданы практически «на голом месте», то есть из слов, слабо содержащих в себе идиоматические потенции: *«Ставили артелью – замело метелью».* Эти фразеологизмы можно назвать афоризмами идиоматического типа. Особенно богата ими песня «Лихо»: *«Вытоптали поле, засевая небо»; «Ставили на чудо - выпала беда»; «Водки на неделю, да на год похмелья»; «Ровно год потели да ровно час жевали»; «Мертвому припарки - как живым медали».*

Второй тип фразеологизмов Башлачева можно назвать **синтаксическими**, где новый смысл создается за счет помещения идиомы в неожиданный контекст («*как вольно им петь и **дышать** полной грудью **на ладан**»*). Причем почти всегда сталкиваются прямой и переносный смысл выражения: *«разреши, пожалуй, я сумел бы **всё на пальцах объяснить**»*. Поэт вкладывает в выделенную фразу следующий смысл: на пальцах объяснить, значит, объяснить игрой на гитаре, перебирая струны пальцами.

Третьи, **паронимические**, – своеобразное клише на уровне рифмы: *«не в квас, а в кровь»* (вместо: не в глаз, а в бровь), как видим, два

ключевых слова связаны потенциальной рифмой со своими «денотатами» (глаз – квас, кровь - бровь). Стоит отметить, что и в исходном, и во вторичном примере сохраняется антитетичность. Что-то подобное находим и в цитате: *«пройду, как рысь, от **Альп и до Онеги**»* (от альфы до омеги) - также оба слова связаны потенциальной рифмой. Некоторые из подобных авторских фразеологизмов создаются за счет замены одного из элементов узуальной идиомы (а иногда и одной буквы в нем) почти всегда с сохранением созвучности: *«в дух и прах»* (вместо: в пух и прах), *«праздник на моей стороне»* (вместо: правда на моей стороне), *«В быту тяжелы. Но, однако, легки на поминках»* (вместо - на помине), *«мне с моею милою - рай на шабаше»* (вместо - с милой рай в шалаше). Иногда подобная модификация дает огромный простор для дальнейшего умножения смыслов, например, измененную идиому *«каков лоб, таков и приход»* («лоб» заменяет слово «поп») можно прочесть так: каков разум, таково и творчество; или, быть может, каков мозг, таков и наркотический «приход».

Четвертый тип (**контаминированные**) – скрещение двух фразеологизмов, имеющих общий элемент: *«провалиться мне на месте, если с места не сойти», «и в трех соснах порой не видят леса», «мой крест – знак действия, чтоб голову сложить»*. Об этом же типе говорил и В.В. Лосев: «Когда же поэт заставляет идиомы взаимопроникать или ставит их в «смежное» положение, к уже названным эффектам добавляется заметное возрастание многозначности (символичности) поэтического высказывания:

Ох, безрыбье в речушке, которую кот наплакал!
Сегодня любая лягушка становится раком.
И, сунув два пальца в рот,
Свистит на Лысой горе.
(«Дым коромыслом»)

Как писали вилами на Роду...
(«Вечный пост»)

«Фразеологизация» текстов, о которой мы говорим, происходит у Башлачева не только за счет работы с уже имеющимися в языке - «словарными» - идиомами. Можно предположить, что неким пиком, эстетическим идеалом, на который ориентируется речевой строй башлачевских песен, и является создание новых идиом» (Лосев, 1995:106); последние строки цитаты - о первом типе башлачевских идиом в нашей классификации.

И последний пятый тип фразеологизмов Башлачева - фразеологизмы **квантитативные**. При их создании в структуру узуальной идиомы может быть «вплетен» избыточный элемент *(«святая вода на пустом киселе», «искали ветер Невского да в Елисейском поле», «невелик ты грош, не впервóй ломать», «**Небо** как эмалированный бак // с **манной** кашей»* (манна небесная)); либо устойчивое сочетание усекается *(«ох, потекло по усам. Шире рот!», «Все пили за него, а мы с тобой хлебнули»* (в контексте - намек на выражение: хлебнуть горя)).

Также стоит отметить, что иногда поэт разрушает структуру фразеологизма, используя одновременно несколько перечисленных нами способов. Например, в уже приводившейся цитате («*как вольно им петь и дышать полной грудью на ладан»)* можно заметить как наличие избыточных элементов в структуре идиомы, так и столкновение прямого и переносного значений сочетания «дышать на ладан».

Итак, Башлачев не просто «разрушает» фразеологизм, но и стремится «воздействовать» на синтаксис, покушаясь на наиболее константные его единицы. Как говорил сам поэт: *«Я на уровне синтаксиса как-то уже перестал мыслить, я мыслю (если это можно так назвать)*

на уровне морфологии: корней, суффиксов, приставок. Все происходит из корня» (Башлачев, 1986). Идиомы Башлачев «деформирует» несколькими способами, создавая пять типов фразеологизмов: окказиональные, синтаксические, паронимические, контаминированные и квантитативные. Глубинная причина такой работы с языковыми структурами лежит в мифологической плоскости: поэт пытается вернуть означающему утраченную связь с означаемым, найти в слове древний сакральный корень, а во фразеологизме – высвободить сакральную энергию, соединяющую его элементы.

Список использованной литературы

1. Лосев В.В. О «русскости» в творчестве Александра Башлачева // Русская литература XX века: образ, язык, мысль: Межвуз. сб. науч. трудов. - М., 1995. С. 106.
2. Башлачев А.Н. Интервью РИО (Это интервью было дано весной 1986 года Б. Юхананову и А. Шипенко для спектакля «Наблюдатель»). www.bashlachev.net.ru